«Рыскуловское совещание» и противоборство советского и партийного руководства Татарской республики

12-14 ноября 1926 г. состоялось совещание представителей национальных образований в составе РСФСР, созванное по инициативе отдела национальностей при Президиуме ВЦИК и заместителя Председателя СНК РСФСР Т. Рыскулова. По показаниям М. Султан-Галиева, совещание, названное потом «рыскуловским», было подготовлено московским центром татарских правых «через соответствующую предварительную обработку Рыскулова Р. Сабировым и К. Мухтаровым».

Совещание характеризовалось как частное. Однако вряд ли Т. Рыскулов, занимавший столь высокий пост, сам решился созвать его в частном порядке. Оно, разумеется, не могло состояться без соответствующей санкции, а частным было определено для того, чтобы придать его предложениям и резолюциям лишь рекомендательный характер. В любом случае, появлялась возможность выразить общественное партийное мнение в отношении официальной национальной политики.

Принципиальное значение в национальном вопросе имела позиция Т. Рыскулова. Он был одним из деятелей национального движения тюркских народов, выступавших за непосредственное вхождение автономных республик и областей в Союз ССР. В 1920 г. началось сближение Т. Рыскулова с М. Султан-Галиевым. Они оба были сильно обеспокоены нарастанием великодержавного шовинизма. В 1923 г. Рыскулов, приехав на XII партийный съезд в качестве председателя Совнаркома Туркестанской республики, встретился с Султан-Галиевым. Их так же, как и других представителей национальных регионов страны, объединяла тревога за судьбу союзных и автономных республик. Да и резолюция XII партийного съезда по национальному вопросу констатировала, что значительная часть советских чиновников в центре и на местах расценивает СССР не как союз равноправных образований, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как шаг к созданию «единой неделимой», сопровождавшийся стремлением «некоторых ведомств РСФСР подчинить себе самостоятельные комиссариаты авто-

номных республик и проложить путь к ликвидации последних»[1].

М. Султан-Галиев и Т. Рыскулов договорились о выдвижении на съезде требования о включении в СССР всех национальных республик и областей с правом федерирования отдельных республик между собой. Они высказались за децентрализацию политической и экономической жизни с сохранением в ведении союзного центра лишь финансов, военного дела и внешней политики, оставив в ведении республик и их федераций все остальные вопросы, а также право формирования национальных красноармейских частей. Используя право федерирования отдельных республик между собой, предполагалось создать федерации тюркских республик[2]. М. Султан-Галиев предложил, а Т. Рыскулов согласился привлечь на съезде в качестве союзников представителей Закавказских республик.

По инициативе М. Султан-Галиева перед съездом было проведено фракционное собрание представителей тюркских республик и республик Закавказья, на котором было решено выступить с единой платформой по национальному вопросу. Правда, в последующие дни Т. Рыскулов перестал приходить на заседания комиссии, заявив, что хотя он и разделяет полностью выработанную фракцией платформу, но считает несвоевременным выступление с ее защитой в данный момент[3]. За Рыскуловым последовали руководители Татарии, Казахстана и других республик. Объединенного выступления не получилось. Причиной отхода Рыскулова от Султан-Галиева явились высказанные И. В. Сталиным подозрения о связях М. Султан-Галиева с З. Валиди.

В последующем Т. Рыскулов был назначен заместителем Председателя Совнаркома РСФСР. Это было проявлением попытки И. Сталина расколоть наметившееся объединение представителей национальных республик. Задумка удалась лишь частично. Хотя Рыскулов и оказался причастным к государственной национальной политике, его взгляды не претерпели серьезных изменений. Более того, видя, как формируется национальная политика, он убеждался, что угроза великодержавного шовинизма не только сохранилась, но и нарастает, что идет ущемление прав республик в составе России. Поэтому Рыскулов был заинтересован в поддержке своей точки зрения представителями национальных республик и областей.

Можно предположить, что инициатива созыва совещания в ноябре 1926 г., в определенной мере исходившая от Рыскулова, была отчасти попыткой восстановления упущенной перед XII партийным съездом ВКП(б) возможности создания единого фронта борьбы национальных республик по защите прав нерусских народов. Однако настали другие времена. Не было в живых Ленина. Сталин стал единоличным вождем и всячески укреплял свое господство, он уже не заигрывал с националами, считая, что дело сделано.

Тем не менее совещание выявило сложившиеся тенденции в политике по отношению к автономным образованиям в составе РСФСР.

Вопросы, предложенные для обсуждения на совещании, были связаны с работой комиссии ЦК ВКП(б) по строительству в РСФСР национальных республик и областей, возглавляемой Председателем ЦИК СССР М. И. Калининым. Предполагалось также обменяться мнениями о созыве V национального совещания по примеру предыдущего.

Представителей союзных республик на совещании не было. Автономные образования представляли 49 посланцев с мест. Делегацию Татарии возглавлял председатель ЦИК Татарской АССР Ш. Шаймарданов. В прениях от ТАССР выступили Р. Сабиров, Г. Мансуров и А. Енбаев.

По свидетельству М. Султан-Галиева, на совещании именно А. Енбаев выдвинул предложение преобразовать тюркские республики РСФСР в союзные республики, предоставить им право федерирования, а также создать Великорусскую республику. Правда, потом он, по утверждению того же источника, «при исправлении стенограммы своей речи… сильно изменил и смягчил эту часть»[4]. Однако слово было сказано и подхвачено частью участников совещания.

Дискуссии развернулись по тезисам, представленным членом Президиума ВЦИК С. Асфендияровым, сторонником М. Султан-Галиева. Свои проекты обнародовали также председатель СНК трудовой коммуны немцев Поволжья В. Курц и председатель ЦИК Дагестана Н. Самурский. Они все исходили из необходимости полного и безотлагательного проведения директив XII

съезда РКП(б) и IV совещания по национальному вопросу. Асфендияров предложил приступить к решительной и последовательной коренизации всех без исключения аппаратов Соввласти нацреспублик и областей (как местных, так и централизованных), безотлагательно ввести обязательное параллельное делопроизводство на русском языке и языке коренной национальности во всех звеньях, создать текущий фонд для удовлетворения духовных нужд автономных республик и областей. Он выступил за усиление промышленного и хозяйственного строительства и помощи сельскому хозяйству национальных республик и областей. Среди предложений политического характера самым важным и вызвавшим наибольший резонанс было предложение о постепенном преобразовании автономных областей в автономные республики, а автономных республик — в союзные. Это полностью соответствовало идее, изложенной в свое время Султан-Галиевым Рыскулову. Новым здесь являлось лишь конкретное предложение о преобразовании уже к XIII съезду Советов Вотской и Марийской автономных областей в автономные республики, а автономной Казахской республики — в союзную. Асфендияров предлагал предоставить автономным республикам бюджетное право, права общей и частной амнистии, руководства объединенными наркоматами в установленных пределах и законодательное право в сфере необъединенных наркоматов, сохраняя за Правительством РСФСР право установления общих начал, определенных Конституциями РСФСР и СССР.

Что же выяснилось на совещании? Во-первых, общее недовольство положением автономных образований в составе РСФСР сужением их прав до уровня губернских, реальным отсутствием влияния в руководящих структурах РСФСР и СССР[5]. Султан-Галиев назвал совещание демонстрацией недовольства националов политикой большевиков и Соввласти по национальному вопросу.

Выступающие Курц, Халиков, Шевле, председатель ЦИК Башкирии Х. Кушаев привели факты нарушений федеральными органами власти прав автономных республик и областей, отметили их стремление ликвидировать права автономных образований в области судоустройства и финансового законодательства. Так, Наркомат внутренних дел РСФСР предложил проект договора, по которому наркоматы республик все права должны были передать ему. План судоустройства РСФСР предусматривал унификацию и централизацию судебного дела. Такая же централизация предполагалась для службы статистики. Как заметил Шевле, республики оказывались на положении губерний. Возможность сохранения прав национальных республик и областей он видел в выделении русской части РСФСР в Русскую республику.

Идея повышения статуса автономных республик до уровня союзных была поддержана представителем Крымской республики О. Дерен-Айерлы и некоторыми другими участниками совещания.

В оценке поднимавшейся шовинистической волны участники совещания были единодушны. По вопросу противодействия выявились разные подходы. Серьезно обсуждалась точка зрения о выделении русской части РСФСР в особую Великорусскую республику и формировании отдельного для России ЦК Компартии. Слова В. Курца: «Русский ЦК гуляет у русских, а Русская республика гуляет у националов», сказанные по поводу предложений о создании Русской республики и Русского ЦК Компартии, также охотно повторялись другими при характеристике великодержавного шовинизма.

По мнению многих, создание Русской республики фактически означало бы переход автономных республик в разряд независимых союзных республик. В этом вопросе столкнулись две позиции.

Одна из них наиболее четко выразилась в выступлении председателя ЦИК Дагестана Н. Самурского, который, отмечая процентристские тенденции, в то же время категорически возражал против выхода автономных республик из состава РСФСР и создания Русской республики. Путь решения национального вопроса он видел не в ликвидации РСФСР, не в преобразовании автономий в независимые республики, а, наоборот, в теснейшем сплетении этих автономий с Великороссией. Предложив ряд косметических мер, таких как введение в руководящие органы партии и федеральные структуры максимального числа представителей национальных республик, он выдвинул ряд контраргументов. Создание

Великорусской республики, по его мнению, создало бы «единый русский кулак», который мог «сильнее ударить» по республикам. Он пугал тем, что в случае отделения от РСФСР республики не получат ни политической, ни экономической поддержки[6].

Между тем еще в 1922 г. Н. Самурский на X съезде Советов согласился с предложением М. Султан-Галиева о непосредственном вхождении автономных республик и областей в Союзное государство. Однако тогда он в последний момент отказался подписать заявление представителей автономных образований в ЦК РКП(б) с предложением о равноправном вхождении в СССР автономных республик. Можно предположить, что эта метаморфоза произошла не без влияния И. Сталина. К моменту созыва рыскуловского совещания Н. Самурский уже был тверд в мнении о сохранении автономных республик в составе РСФСР. Хотя и произносил фразы наподобие «Ванька прет!», подхватываемые участниками совещания, его конкретные предложения не выдавали в нем деятельного борца с великодержавным шовинизмом. Так, он настаивал всего-навсего на реализации ряда хозяйственных мер, на создании вместо существовавшего отдела при ЦИК РСФСР Совета Национальностей автономных республик[7].

Представлявший Башкирию А. Халиков, частично поддержав Асфендиярова, высказался против выделения всех республик и областей из РСФСР, ибо это, по его мнению, привело бы к образованию Русской республики[8]. Р. Сабиров придерживался такой же позиции, Г. Мансуров конкретно о Русской республике не высказался, однако ее возможность обозначил[9].

Рыскулов в своем выступлении обрисовал два типа республик: «республики, которые созрели и могут существовать» и республики, существовавшие только благодаря Советской власти. Татарскую республику он отнес к первому типу: «Татреспублика мыслима вообще как национальное государство. Это зрелая нация, у которой были зрелые классы и была общественная зрелость». Далее он выделил второй тип республик: «Есть национальные республики вроде Казахской, Башкирской и т. д., которые только и появились в результате национальной политики Советской власти, которые существуют только со времени Советской власти... Республики первого типа сразу оформились в течение первых же лет… Там это можно сделать сразу. Коли обрусевшая интеллигенция не дает татарскому народу еще хода, это другое дело, но зрелость там настолько налицо, что такие мелочи, как осуществление делопроизводства на татарском языке, для них легко. И они могут ставить очередные вопросы осуществления хозяйственных задач и вовлечения татарских масс в хозяйственное строительство. А возьмите вы Ойротию, Якутскую и другие наши большие республики с маленьким значением. Они не оформили еще своего существования. У них, наряду с хозяйственными задачами, должны стоять чисто практические задачи по оформлению этих республик… Политика Советской власти должна заключаться не только в углубленном руководстве усиливающихся республик, как Татарская, а должна быть и покровительственной в отношении неуспевающих национальностей»[10].

Султан-Галиева о рыскуловском совещании информировали Р. Сабиров, А. Енбаев и другие татарские работники. Енбаев передал ему и стенограмму совещания. Машинистка турецкого посольства А. Акчурина сняла с нее по просьбе Султан-Галиева две копии. Один экземпляр был передан турецкому послу Зеккия-бею с тем, чтобы выдержки из него попали в заграничную прессу.

Руководство страны приняло меры для блокирования идей повышения статуса республик и образования Русской республики. Была организована кампания дискредитации рыскуловского совещания, как не отражавшего мнения местных партийных организаций и осуждения предложений о переводе автономных республик в разряд союзных, а автономных областей — в разряд автономных республик, и образования Русской республики.

В Казани обсуждение совещания состоялось 2 января 1927 г. на собрании партийного актива под председательством секретаря обкома ВКП(б) М. Хатаевича. На нем присутствовал 291 человек. С докладом выступил заведующий агитационно-пропагандистским отделом обкома ВКП(б) З. Гимранов.

Отметив якобы случайный состав участников рыскуловского совещания и ни сло-

вом не упомянув об участии в нем председателей ЦИКов или Совнаркомов почти всех автономных республик, Гимранов смысл выступлений на совещании свел к критике советского аппарата за нереализацию решений партии по национальному вопросу и констатации того, что везде и всюду наступает великодержавный шовинизм, завоевания Октябрьской революции в опасности и т. д. Докладчик такую постановку вопроса оценил как неправильную, попытался опровергнуть прозвучавшие на совещании утверждения о том, что в области национальной политики почти нет никаких практических достижений. Мнение о необходимости представительства республик в центральных учреждениях он охарактеризовал как выражение национализма и недоверия центральным учреждениям[11]. Гимранов назвал несостоятельными жалобы о том, что национальные республики в федеральных учреждениях не имеют своей опоры и на них «смотрят как на колонии». В связанном с этим желании создать при ЦИК РСФСР вторую палату по типу Палаты национальностей Союза ССР Гимранов усмотрел намерение создать структуру для борьбы с русской частью РСФСР. Излагая позицию Сталина, Гимранов заявил, что нет необходимости и в созыве V совещания по национальному вопросу, что вопрос этот должен обсуждаться на одном из пленумов ЦК: «Будет гораздо авторитетнее и будет иметь больше смысла».

Выступивший за ним председатель СНК ТАССР Х. Габидуллин поддержал позицию докладчика в оценке рыскуловского совещания. Продолжив критику прозвучавших на нем мнений, он сказал: «Неправильным также был момент, когда товарищи националы, говоря о великодержавном шовинизме, умалчивали о наступательном характере местного национализма, считая, что местный национализм носит оборонческий характер и существует как реакция на великорусский шовинизм». Нездоровым явлением Габидуллин назвал и проявившуюся на рыскуловском совещании тенденцию «всю сумму ответственности за недостатки сваливать на центр, не желая делить эту ответственность». Вместе с тем он заметил, что основания для проявления таких настроений были, ибо «до сего времени не выявлен удельный вес национальных республик в системе хозяйствования РСФСР». Это вело к разговорам о том, что национальные автономии «сидят на шее русского мужика». В действительности же, подчеркнул он, ряд республик на своей территории собирают доходов больше, чем расходуют по своим бюджетам. Габидуллин подверг, правда, мягкой, но весьма принципиальной критике центральные аппараты РСФСР, которые, по его словам, «подходят к национальным республикам бюрократично и проявляют “великодержавничество”, а отпор получают незначительный». Он высказался против восстановления в Конституции РСФСР статьи о праве выхода автономных республик из состава Российской Федерации за ненадобностью, охарактеризовал предложение о создании Русской республики как глубоко неправильное политическое решение[12]. Отрицательно отнесся Габидуллин и к идее созыва нового совещания по национальному вопросу.

Помощник прокурора ТАССР А. Мухитдинова, полностью поддержав выступления предшественников, осудила предложения об отделении Башкирии и Татарии от России, назвав их болезненным уклоном, мешающим экономическому развитию. «Теперь, в 1927 г., — сказала она, — разрешение национального вопроса… есть разрешение хозяйственного вопроса».

Выступивший затем заведующий орготделом Верхнегородского райкома ВКП(б) г. Казани Ш. Забиров также попытался доказать нелегитимность и случайность рыскуловского совещания, поскольку в нем приняло участие «известное число так называемых эмигрантов» (имелись в виду Мухтаров, Сабиров, Енбаев и другие татарские правые, отозванные в Москву). «Ошибка совещания, — заявил он, — и в том, что оно национальный вопрос ставило как самодовлеющий вопрос, чего ни в коем случае нельзя было делать». Категорически отвергнув утверждения о нарастании великодержавного шовинизма, Забиров внес предложение об изменении постановления XII съезда партии по национальному вопросу, указав, что «в данное время главную угрозу создает рост местной буржуазии, а великодержавный шовинизм является лишь фактором, только усугубляющим национализм».

Все эти выступления явились почвой для собственной интерпретации М. Хатаевичем событий рыскуловского совещания. Он неплохо использовал его материалы в борьбе против своих оппонентов. Согласившись с выступившими в том, что решения рыскуловского совещания не отражают мнения партийных организаций национальных республик, он обвинил инициаторов его созыва в попытке произвести нажим на партию, на ЦК. Хатаевич вопреки истине заявил о выступлении на совещании Гимранова и Шаймарданова, которые якобы встретили там резкий отпор, получив прозвище «обрусевшие татары». Было ли это его собственной выдумкой или же озвучено им с чьей-то подачи? Не столь важно. Это был маневр, направленный на обращение видных татарских работников в своих союзников. Но ничего из этого не вышло.

Хатаевич, подвергнув критике идею реорганизации автономных республик в союзные, попытался убедить присутствующих в том, что нет опасности ни великодержавного шовинизма, ни местного национализма[13]. Не преминул он воспользоваться и ставшим расхожим выражением Самурского о Ваньке, прибавив от себя слова «Осман, спасайся» и создав тем самым у слушателей впечатление, что и они принадлежат Самурскому.

Хатаевич выразил несогласие с мнением о вводе в состав ЦК и ЦКК большего числа националов, оценив его, по примеру предшествовавших ораторов, как выражение недоверия к ЦК партии. Он подчеркнул, что состав данных партийных органов формируется исходя «из делового принципа, из степени подготовленности каждого товарища». Этот тезис Хатаевича несостоятелен. Во-первых, в республиках имелись такие кадры, но их в ЦК и ЦКК не выдвигали. Более того, национальным кадрам не доверяли даже руководство местными партийными организациями, будь они, как показала «секретарская чехарда» 1920-х гг. в республике, хоть трижды подготовленными. ЦК предпочитал посылать в Татарию в качестве секретарей лиц некоренной национальности. Хотя опытные кадры из татар были как в Москве, так и в самой республике. Получалось, что не доверять ЦК было нельзя, а не доверять национальным кадрам — можно.

Правда, М. Хатаевич не мог не признать элементов «невнимания и нечуткости» по отношению к национальным республикам. Он не смог отрицать наличие великодержавного шовинизма, но поставил его рядом с местным национализмом: «У нас в Татарской республике имеется проявление великодержавного шовинизма, когда русский чиновник противодействует реализации татарского языка. В этом случае он носит характер наступательного, но есть моменты, когда националистические настроения в русском крестьянстве или рабочем усиливаются в результате недостаточно внимательного отношения к его нуждам. Такие проявления национализма носят оборонительный характер, то же и наоборот». Закончил М. Хатаевич свое выступление призывом к ЦК ВКП(б) «обратить внимание на те настроения, которые выявились на этом (рыскуловском. — *И. Т.*) совещании, чтобы дать также более твердый отпор всем антипартийным настроениям, имевшим место на этом совещании»[14].

Более взвешенной была оценка рыскуловского совещания управляющим Татарским отделением Промбанка М. Брундуковым. Заявив о том, что материалы совещания он не читал, а доклад З. Гимранова недостаточно освещает суть совещания, М. Брундуков сказал, что по имеющимся у него сведениям трудно заподозрить рыскуловское совещание в принятии резолюции националистического характера. Усомнился он и в случайности совещания, поскольку оно было созвано в Кремле и было проведено заместителем Председателя Совнаркома РСФСР. «Если бы совещание было проведено под председательством не товарища Рыскулова, а товарища Смирнова, то к нему отнеслись бы, вероятно, подругому», — выразил сомнения Брундуков. Напомнив, что на совещании присутствовали представители почти всех автономных образований, он сделал вывод, что «о засилии “эмигрантов” говорить не приходится». Суть совещания М. Брундуков определил так: «Это совещание дало толчок к разрешению наболевших вопросов, и оно с этой стороны, безусловно, полезно»[15].

Брундуков по многим вопросам не согласился с предыдущими ораторами. Заслуживают внимания его слова: «Вопросы национального порядка, безусловно, в настоящее время требуют к себе значитель-

ного внимания и специального рассмотрения, так как у нас есть такие вопросы национального порядка, которые требуют основательного разъяснения. Например, я считаю, что великодержавный шовинизм, несомненно, более опасен, чем местный национализм, и совершенно не правы те товарищи, которые говорят наоборот». В связи с этим он подверг критике наметившуюся в республике тенденцию переселения крестьян из республики по принципу их землеобеспеченности. Напомнив, что наименее обеспечено землей татарское крестьянство, Брундуков сказал, что если следовать этому принципу, то переселению в первую очередь подлежат именно крестьяне-татары. А это, сделал он вывод, по существу, разрушает национальную республику.

Выступивший за Брундуковым заместитель Наркома земледелия ТАССР Ф. Сайфи выразил несогласие с предложением о более полном представительстве в центральных учреждениях посланцев национальных республик, оценив такой подход как недоверие к ЦК. При этом он сослался на одного из казахских работников, упрекнувшего татар в желании учить русских интернационализму. Можно подумать, что на рыскуловском совещании речь шла о введении в центральные учреждения татар, а не вообще представителей всех нерусских народов. К тому же предложение о введении в центральные учреждения представителей республик вносилось не столько татарами, сколько представителями других республик, в том числе и Дагестана.

Однако в выступлении Ф. Сайфи были приведены сведения об определенном материально-финансовом ущемлении национальных республик, в том числе и Татарии. Так, при согласовании бюджетов нескольких учреждений наркомпроса ему было сказано: «Нужно часть ваших заведений перебросить в другие республики, у вас их слишком много, вас нельзя считать за окраину». Еще более разительные факты привел Сайфи по финансированию землеустройства. В 1925-1926 гг. наркомзем республики получил на землеустроительные работы по 40 коп. на душу населения, тогда как в Ульяновской и Самарской губерниях эта цифра составила 70 коп. Между тем в Самарской губернии крестьянское хозяйство имело в среднем 240 тыс. руб. дохода, в Татарской республике — 190 тыс. руб. Самарская область на борьбу с засухой получила 71 млн. руб., Татарская республика — всего 1 млн. 300 тыс. Размер налога в Белебеевском кантоне Башкирии был на 30 % меньше, чем в Бугульминском кантоне Татарской республики. Это, по мнению Сайфи, порождало антагонизм между татарами и башкирами и тенденцию перехода населения в кантоны с меньшим налогом[16].

Прокурор ТАССР Х. Палютин, не называя фамилий, однако прозрачно намекая, что речь идет о московских правых, напомнил, что они в свое время вели разговоры о том, что обком «подготовляет почву для ликвидации Татарской республики», и, обвинив «эмигрантов» в попытке ревизии национальной политики партии, призвал дать отпор «таким настроениям и представителям их как мелкобуржуазной стихии». Он полностью поддержал мнение М. Хатаевича[17]. В таком же духе выступил заведующий агитпропотделом Верхнегородского райкома ВКП(б) г. Казани Б. Бурнаев. Выразив несогласие с оценкой совещания, данной М. Брундуковым, он указал на наличие в национальных республиках тенденции на отделение от России и заверил, что будет бороться против нее.

Однако не все поддержали предложенную отрицательную оценку рыскуловского совещания. Председатель правления Татхлопкопромсоюза А. Ганеев заявил, что оно не являлось случайным и имеет чрезвычайную значимость по существу обсужденных им вопросов. В качестве одного из них он обозначил вопрос о конституционном устройстве страны: «Среди коммунистов возникают вопросы: почему одни республики входят в СССР, а другие в РСФСР, ведь нигде не написано, что если имеется такое-то количество населения, то [территория] должна называться автономной областью, такое-то количество населения — автономной республикой. Вот почему вокруг этого вопроса имеется разное мнение. По этим вопросам партия должна сказать свое слово». Затронул он и весьма болезненную проблему экономического содействия национальным республикам и конкретно Татарии: «Часто в центре по линии банков ряд наших советских учреждений и беспартийные чиновники, иногда и члены партии говорят, что национальные республики живут за счет Москвы. Я пробовал задавать частным порядком вопрос, что было бы,

если бы Татарскую республику перевести, грубо выражаясь, на хозрасчет. Все, что собирается в Татарской республике, оставлять в Татарской республике, взяв на себя все расходы: местные, государственные и т. д. Я этот вопрос нарочно поставил, потому что неоднократно слышал, что национальная республика живет за счет русского мужика... Если подсчитать, то оказывается, что мы не за чей счет не живем, а собираем 30 млн. в год, а всего расходы — на 28 миллионов рублей. Я об этом говорю, чтобы указать, что подобные настроения имеются даже в самих республиках, в частности, в Татарской республике. Эти настроения нужно изжить…»[18].

Представляет интерес выступление председателя ТатЦИКа Ш. Шаймарданова, только что переведенного на этот пост при поддержке М. Хатаевича с должности председателя президиума ЦИК республики. По ряду моментов он поддержал Хатаевича, возможно, даже будучи внутренне несогласным с ним. Правда, Шаймарданов не согласился с мнением о преобладании на рыскуловском совещании «эмигрантов», но подчеркнул, что настроение на нем было «нездоровое», имея в виду раздававшиеся там обвинения центра в давлении на национальные республики, недофинансировании республик (пройдет совсем немного времени, и Шаймарданов превратится в главного противника Хатаевича, возглавив борьбу за его отзыв из Татарской республики).

Заключительное слово заведующего агитпропотделом обкома ВКП(б) З. Гимранова носило более лояльный характер. В заслугу себе и Ш. Шаймарданову он поставил якобы «известный перелом» в рыскуловском совещании после их выступлений, когда «дальнейшие ораторы стали отмечать достижения в области национальной политики». Однако на совещании с самого начала говорилось как об успехах, так и о недостатках национальной политики партии большевиков. К тому же тот же самый Самурский признавал эти успехи и достижения и говорил лишь об угрозе, создаваемой растущим великодержавным шовинизмом. Он был одним из рьяных защитников единства России. Если и можно было говорить о каком-либо переломе в ходе совещания, то он был создан не Гимрановым и Шаймардановым, а Самурским.

Вряд ли можно считать удачной и попытку определения З. Гимрановым соотношения великодержавного шовинизма и местного национализма. По его мнению, вопрос о степени их опасности лежит в области теории, но между тем речь должна была идти не о теории, а о реальных фактах. Гимранов утверждал, что «этот вопрос партией разрешен и никаких дискуссий не требуется»[19]. Возможно, дискуссии по этому вопросу и не требовались бы, если бы ЦК ВКП(б) своими конкретными мерами обеспечил реализацию решений XII съезда партии по национальному вопросу, автономные образования в составе РСФСР стали бы по-настоящему автономными и не было бы систематического наступления на их и без того «куцые» права.

Именно об этих реалиях речь шла на рыскуловском совещании. «Казанское обсуждение» шло в другом русле, более того, принятые здесь постановления преследовали цель умаления значения рыскуловского совещания и дистанцирования от него.

Не было единства позиций даже внутри самого руководства республики. Один подход — позиция бывшего председателя ТатЦИКа Р. Сабирова, другой — позиция секретаря обкома ВКП(б) М. Хатаевича и совсем особый — позиция председателя ТатЦИКа Ш. Шаймарданова, который поддерживал то одну, то другую сторону. В постановлении же получили отражение мнение и позиция не партийной организации, а ее руководителя[20]. Осуждение рыскуловского совещания не означало, что в республиканском руководстве царили мир и спокойствие.

Материалы партийных конференций и пленумов 1926-1927 гг. свидетельствуют, что групповая борьба татарских коммунистов, хотя и включала в себя национальный аспект, в целом была борьбой за разграничение полномочий между обкомом ВКП(б) и советскими органами. В этой борьбе национальный вопрос использовался как инструмент.

Нельзя было огульно обвинять секретаря обкома в антитатарских действиях. Секретари во многих случаях выступали зачинателями полезных для развития татарской культуры инициатив. Так, М. Хатаевич предложил ввести изучение татарского языка в русских школах, при его участии была принята резолюция обкома о внедре-

нии в систему государственных и общественных организаций татарского языка. Об этом было сказано и в его отчетном докладе на XII областной партийной конференции в декабре 1926 г. Тогда последовал письменный вопрос: «Вы сказали, что русские товарищи, не обучающиеся татарскому языку, должны покинуть Татреспублику. Возможно ли покинуть ее сейчас, ибо многие желают выехать?». Открестившись от подобной интерпретации, Хатаевич заметил: «Имеется постановление ОК о том, что в отношении наших правительственных и общественных организаций должны быть проведены мероприятия в сторону установления конкретного перечня должностей, которые должны быть заняты людьми, владеющими татарским языком, но независимо, будет ли это татарин или другой национальности, он должен обслуживать татарское население... Если они не усвоят татарский язык, то должны будут уйти с этой работы. Это мы считаем, безусловно, правильным и нужно в течение 1927 года провести в жизнь»[21].

В ответ на ряд писем с протестом по поводу такого нововведения М. Хатаевич опубликовал две статьи в газете «Красная Татария» в защиту татарского языка. Он также был сторонником землеустроительной политики в пользу татарского крестьянства, исходя из того, что русское крестьянство было зажиточнее, чем татарское. Хатаевич писал: «Если переселять бедноту, при тех небольших размерах государственной помощи, которая оказывается переселенцам, это значит обрекать ее на полную гибель… Поскольку же русское крестьянство по своему экономическому уровню выше, то переселять в большем проценте нужно его»[22]. В то же время в ряде случаев со стороны отдельных руководителей раздавались голоса в пользу переселения всех русских за пределы Татарии[23].

Подчеркнем еще раз: борьба между партийными и советскими руководителями имела под собой объективные основания. Партийные органы осуществляли тотальный контроль над всей общественной и экономической жизнью республики, считали себя вправе вносить изменения в структуру, функции и полномочия советских органов. Инициатива в назначении руководителей на советские должности принадлежала обкому партии. В противостоянии, как правило, одерживал победу партийный руководитель. Так, председатель Совнаркома Х. Габидуллин оказался не у дел из-за обостренных отношений с обкомом ВКП(б). М. Хатаевич выдвинул на эту должность кандидатуру своего сторонника Ш. Шаймарданова и добился ее поддержки.

Назначенный на тот или иной пост руководитель стремился к самостоятельности, полагая, что советские руководители не должны превращаться в послушный инструмент в руках секретаря обкома партии. Между тем, по признанию Х. Палютина, М. Хатаевич обращался с местными работниками как «хозяин со своим работником». Из Казани в ЦК жаловались на его резкость, нежелание работать с местным активом, «диктаторство»[24]. Всякая самостоятельность, если она была не по вкусу секретарю обкома партии, рассматривалась как отход от партийной линии, а поддержка позиций совработника другими, в том числе и членами обкома, расценивалась Хатаевичем как «групповщина».

На одном из областных партийных совещаний Ф. Сайфи заметил, что, «работая в СНК и других учреждениях, мы чувствуем, что работа целиком перешла в бюро ОК, там рассматриваются самые маленькие вопросы, а СНК только ищет средства». Последовавший вопрос Хатаевича: «Вас СНК уполномочил это заявить?»[25] — был отражением накаленной обстановки между обкомом партии и советскими органами. Нарком народного образования М. Тагиров на пленуме обкома ВКП(б) в мае 1927 г., дискутируя с М. Хатаевичем, сказал: «Мы знаем, конечно, что усиленно растет, совершенно самостоятельно, и местный национализм, борьба с которым не так легка, тем более, когда русские товарищи плохо реагируют на вылазки великодержавного шовинизма, благодаря чему борьба с местным национализмом, принимающим оборонческую форму, осложняется»[26].

Что представляет наибольшую опасность — великодержавный шовинизм или местный национализм? Этот вопрос был для республиканского руководства камнем преткновения. По мнению Хатаевича и его соратников, оба эти вида национализма были опасные в равной мере. Шаймарданов, Гимранов, Габидуллин и их сторонники обвиняли Хатаевича в недостаточном

противостоянии великодержавному шовинизму. Последний, в свою очередь, полагал, что от таких кадров надо избавляться.

Противоборство между секретарем обкома и руководителями советских органов, хотя и выдавалось за групповщину, никак не могло быть сведено лишь к противостоянию отдельных личностей. Между тем присутствовавший на XII партконференции секретарь ЦК ВКП(б) С. Косиор не согласился с такими оценками: «К вопросу о проявлениях русского шовинизма надо было подходить с максимальным вниманием. По настроению этой конференции я вижу, что к вопросу о специальных причинах группировок, наблюдающихся в национальных республиках, подход не совсем правильный. Эти группы существовали в течение 5-6 лет, они имеют свои особые корни, и если вы думаете, что стоит отозвать из Татарии 10 человек, и группировки изживутся, то ошибаетесь. Это упрощенный подход, и надо от него отказаться. Есть пословица: "Семь раз отмерь, один раз отрежь", а в национальных республиках надо, пожалуй, 77 раз отмерить, а потом отрезать. Тут надо больше хладнокровия». Предостерег он также от отождествления общесоюзной правой оппозиции и национальных групп, как это сделали в решении собрания партактива Казани, объединив их под одной шапкой «ревизия ленинизма»[27].

Дело доходило до того, что в противоборство с бюро обкома вовлекалось правительство в целом. Такова история с так называемой стачкой наркомов.

На XII партийной конференции ответственным секретарем обкома был вновь избран М. Хатаевич, а председателем областной партийной контрольной комиссии (ОКК) — М. Ахметшин. Хатаевич с самого начала попытался превратить ОКК в орган, подотчетный бюро обкома. Это наиболее четко обозначилось, когда он, не ставя в известность ОКК, не говоря уже о республиканской рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), создал комиссию по сокращению советского аппарата. Разумеется, ОКК расценила это решение как выражение недоверия ей и опротестовала его. Определенный компромисс между обкомом и ОКК был достигнут с назначением председателем этой комиссии М. Ахметшина. Однако о каком-либо согласовании вопроса с СНК или ЦИК Советов республики не было и речи.

Комиссией по реформе правительственных учреждений был произведен «пересмотр функций и структуры советских органов сверху донизу», ликвидированы как излишние малый Совнарком, секретариат ТатЦИКа, реорганизован Госплан, объединены технические аппараты ЦИК, СНК и Госплана, ликвидирован наркомсобес и т. д. На эту, как сказал Хатаевич, черновую работу была получена санкция правительственных органов Татарской республики[28]. Казалось бы, эти несомненно актуальные вопросы должны решаться или съездом Советов или же его Центральным исполнительным комитетом, но, разумеется, ни в коей мере областной партийной комиссией.

В октябре 1927 г., за месяц до созыва XIII партийной конференции, возмущенные единоличным руководством Хатаевича республикой, Шаймарданов и Ахметшин выехали в Москву, где в ЦК поставили вопрос о согласовании обкомом своих действий с СНК республики и об отзыве отвергающего этот принцип М. Хатаевича из Татарии. Когда это не дало результата, за шесть дней до открытия конференции в столицу выехали уже 10 наркомов во главе с Ш. Шаймардановым. И снова перед ЦК был поставлен тот же вопрос о разграничении полномочий партийных и советских органов (Хатаевич по поводу этой поездки, не санкционированной обкомом, выразился, что «таким образом в Москву ездить нельзя» и «нельзя устраивать стачку наркомов»[29]).

Случай стал достоянием широкой общественности, о нем говорили всюду: на улицах и базарах, на предприятиях и в учебных заведениях. Бюро обкома через собрания партийных ячеек организовало кампанию всеобщего осуждения поведения наркомов во главе с председателем ТатЦИКа Ш. Шаймардановым.

Имеющиеся противоречия в полной мере обозначились на XIII областной партконференции, на которой М. Хатаевич в отчетном докладе обкома подверг резкой критике своих недавних союзников. В особом разделе доклада «Об остатках групповой борьбы в партийном руководстве» было заявлено, что заверения групповщиков об отказе от борьбы против обкома ока-

зались лишь «групповым маневром» и они развернули новое наступление против партийной организации. Это вызвало недоумение в зале. М. Хатаевич, игнорируя его, обвинил Ш. Шаймарданова, якобы опиравшегося на «нескольких человек в бюро ОК», в попытках изгнать его, Хатаевича, из республики, в стремлении «расширить свое групповое влияние». В конце секретарь обкома заметил, что времена «дворцовых переворотов уже прошли»[30]. А итоги кампании наступления обкома на наркомов Хатаевич оценил так: «В ячейках рабочие, как русские, так и татары, жестоко крыли эту поездку и требовали от нас сурово наказать всех этих сбежавших наркомов и поднаркомов, но зато на Сенном базаре "ваших делегатов" очень хвалили, торговцы и муллы очень одобрительно отнеслись к этой поездке и говорили, что нужно собрать деньги, чтобы покрыть ихние путевые расходы».

Разумеется, ЦК ВКП(б) не поддержал и не мог поддержать СНК ТАССР, ибо по всей стране устанавливал монополию партийной власти. Москва всецело встала на защиту обкома и его секретаря. На конференции Шаймарданова, Гимранова и некоторых других активистов не избрали в состав обкома. М. Ахметшин, «осознавший свои ошибки», попал в его состав, так как стал председателем ТатЦИКа.

Все это не прошло бесследно и для самого М. Хатаевича. Поняв, что для «обуздания» местных советских руководителей нужна более твердая рука, он поставил перед ЦК ВКП(б) вопрос о своем уходе, назвав в качестве своего преемника Н. Ежова, в последующем — организатора массовых репрессий в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1917-1924. – М., 1970. – Т. 2. – С. 440.
2. Архив УФСБ РФ по РТ, ф. 109, оп. 5, д. 54, л. 73-74.
3. Там же, л. 76-77.
4. Там же, л. 142.
5. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 183, л. 19.
6. Там же, л. 26.
7. Там же, л. 21-24.
8. Там же, л. 56.
9. Там же, л. 80.
10. Там же, л. 71-72.
11. Там же, д. 248, л. 2.
12. Там же, д. 284, л. 6.
13. Там же, л. 10.
14. Там же, л. 13.
15. Там же, л. 13.
16. Там же, л. 15.
17. Там же, л. 18.
18. Там же, л. 19-20.
19. Там же, л. 19-21.
20. Там же, л. 26-27.
21. Там же, д. 3, л. 141.
22. Там же, д. 253, л. 229.
23. Там же, л. 186.
24. Там же, д. 10, л. 24.
25. Там же, д. 29, л. 42.
26. Там же, д. 260, л. 45.
27. Там же, д. 10, л. 138-139.
28. Стенографический отчет заседаний XIII областной партийной конференции (23-29 ноября 1927 г.). – Казань, 1927. – С. 249-250; ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 253, л. 118-120.
29. Стенографический отчет заседаний… – С. 236-237.
30. ЦГА ИПД РТ, ф. 15, оп. 2, д. 253, л. 118-120.

Индус Тагиров,
академик АН РТ